

УДК 398+73.04

С. Сазелова

Университет им. Т. Масарика, Чешская Республика
 Masarykova univerzita
 Kotlářská 2, CZ 611 37 Brno, Czech Republic
 E-mail: sazelova@sci.muni.cz

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СИБИРСКОЙ ЗООМОРФНОЙ СКУЛЬПТУРЕ: В ПОИСКАХ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

В археологических интерпретационных моделях нередко используются параллели, относящиеся к близким к современности группам, обитающим в арктических и субарктических регионах Сибири. Эти параллели весьма важны для понимания археологических материалов, статичных по своей природе, поскольку позволяют учесть динамику социальных и символических систем близких к современности сообществ. В статье анализируются электронные базы данных, а также научная литература по зооморфным и териантропным фигуркам, собранным в ходе Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции. Обсуждаются возможный смысл и мифологический контекст зооморфных изображений. Некоторые аспекты палеоэтнологических данных частично применимы к зооморфной скульптуре верхнего палеолита.

Ключевые слова: Джесуповская Северо-Тихоокеанская экспедиция, мифология, палеоэтнология, Сибирь, верхнепалеолитическое искусство, зооморфные фигурки.

Введение

Исследования процессов хозяйственной и культурной адаптации в близких к современности арктических и субарктических группах Сибири выявили этнологические параллели, которые могут более или менее успешно применяться для реконструкции уклада жизни первобытного человека. Со второй половины XIX в. человеческие коллективы, живущие в этих регионах, начинают рассматриваться в качестве этнологических аналогов коллективов охотников верхнего палеолита [Mortillet 1883; Jochelson, 1908; Marshack, 1991; Abramova, 1995; Owen, 2005; Svoboda et al., 2011]. Как правило, поиск подобных параллелей имеет целью реконструкцию повседневной жизни, но часто они используются и для понимания верхнепалеолитического мышления и символизма. Изображения животных, созданные представителями северных народов, интересны во многих отношениях, в частности, с точки зрения интерпретации памятников верхнепалеолитического

мобильного искусства. Разнообразие животных, чьи образы представлены в этнографических коллекциях, очень велико — мамонты, носороги, олени, лошади, бизоны, львы, медведи, совы, росомехи и другие существа, вид которых невозможно точно определить. Разнообразны и материалы, использовавшиеся для изготовления фигурок — бивень, кость, поделочный камень, керамика.

Обычно соотношение зооморфных образов в скульптуре сопоставляется с палеозоологическими данными для той или иной местности [Klíma, 1979; Vandiver et al., 1989; Der Löwenmensch..., 1994; Svoboda, 1997; Verpoorte, 2001; Djindjian, 2004; Sauvet, Włodarczyk, 2008] и оценивается его соответствие реальному соотношению видов животных. После этого каждому образу приписывается вероятная социальная функция. В литературе встречаются четыре основных подхода к интерпретации зооморфных изображений. Каждый из них связан с той или иной предполагаемой функцией. Возможные функции таковы.

1. Решение проблем, связанных с охотой. Тот или иной зооморфный образ предназначался для приманивания соответствующего животного. Одновременно фигурка представляла собою обещание духу жертвы, что охотник не убьет больше животных, чем необходимо. Другое возможное объяснение в рамках данного подхода – символическое обуздание охотничьего азарта, который мог стать помехой в реальной охоте. Обнаруженные на нескольких зооморфных фигурках следы ударов в сердце или голову животного свидетельствуют в пользу таких интерпретаций.

2. Истощение силы животного или приобретение качеств животных, недостающих человеческому организму, например, силы мамонта, выносливости оленя, ловкости льва. В соответствии с этой гипотезой, зооморфная фигурка представляла собой амулет и одновременно источник тех или иных качеств животного. Среди верхнепалеолитических материалов можно найти несколько зооморфных фигурок со следами ударов или других повреждений, которые обычно интерпретируются как попытки лишить животное благоприятных способностей или же приобрести их (чтобы исключить конкурентов либо уравнивать шансы человека и животного в охоте).

3. Решение проблем и конфликтов внутри верхнепалеолитического социума путем переноса человеческих отношений в мир животных. Аллегорические и комичные изображения могли служить для снятия стресса в трудной для коллектива ситуации.

4. Изображение тотемных предков, мифологических защитников или же духов-помощников [Герасимов, 1931; Absolon, 1938, 1945; Klíma, 1979, 1989; Gamble, 1982; Hahn, 1986; Delporte, 1990; Gvozdozer, 1995; Davidson, 1997; Hunters..., 2000; Lewis-Williams, 2002; Borić, 2007; Porr, 2010]. Мифологическое значение каждого зооморфного образа могло быть связано с тотемистическими воззрениями людей позднего палеолита.

Все приведенные интерпретации базировались на этнологических параллелях. С учетом динамики социальных и символических систем близких к современности арктических и субарктических групп Сибири можно расширить сферу применения археологических материалов, статичных по своей природе [Binford, 1962; Stiles, 1977; Lewis-Williams, Dowson, 1988; David, Kramer, 2001].

В данной работе мы, разумеется, не стремимся отождествить восприятие животных людьми верхнего палеолита и близкими к современности группами. Мы просто пытаемся преодолеть традиционный для западной культуры подход к взаимоотношениям человека и животных, представив эти отношения с совершенно иной точки зрения – той, которой придерживались некоторые коренные народы Сибири в недавнем прошлом.

Сибирские материалы Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции

Джесуповская Северо-Тихоокеанская экспедиция, организованная по инициативе и под руководством Ф. Боаса, осуществлялась на средства М.К. Джесупа в 1897–1902 гг. Ее целью было выявление контактов и связей между аборигенными группами, живущими по обе стороны Берингова пролива. Данная статья ограничивается работой экспедиции в Сибири. Эта работа началась в 1898 г., в ней приняли участие три основные группы (рис. 1). Первая из них, возглавлявшаяся Б. Лауфером, в 1898–1899 гг. собирала материалы по нанайцам и нивхам бассейна Амура и на Сахалине. Вторая группа, участниками которой были В.Г. Богораз (Тан) и его жена София, с 1900 г. работала на северо-востоке Сибири в местах обитания чукчей, коряков, кереков, сибирских эскимосов, ительменов и эвенов. Объектом исследований третьей группы в составе В.И. Йохельсона и его жены Дины Йохельсон-Бродской были коряки и юкагиры [Laufer, 1900; Boas, 1903] (см. переписку участников экспедиции, хранящуюся в архиве отдела антропологии Американского музея естественной истории в Нью-Йорке*).

Описание коллекции. С помощью электронной базы данных Американского музея естественной истории в Нью-Йорке были исследованы 1 023 зооморфных или териантропных изображения, принадлежащие различным этническим группам (табл. 1) [Sázelová, 2012]. В соответствии с формой их можно поделить на две группы. Подавляющее большинство предметов (94,5 %) – зооморфные или териантропные изображения. Небольшая часть коллекции (5,5 %)

*Ф. Боас Б. Лауферу, 02.05.1898 г. (из Виктории, Британская Колумбия), 27.10.1898 г. (из Нью-Йорка), 09.12.1898 г. (из Нью-Йорка) и 23.01.1899 г. (из Нью-Йорка).

В.Г. Богораз Ф. Боасу, 30.10.1899 г. (из Санкт-Петербурга), 16.04.1901 г. (из поста Ново-Мариинск) и 22.12.1900 г. (из с. Каменского).

С. Богораз (?) Ф. Боасу, 14.04.1901 (из поста Ново-Мариинск).

М. Джесуп В.И. Йохельсону, 24.03.1900 г. (из Нью-Йорка).

В.И. Йохельсон Ф. Боасу, 21.06.1899 г. (из Берна), 20.05.1900 г. (из Владивостока), 11.08.1900 г. (из с. Кушка), 03.12.1900 г. (из с. Каменского), 21.07.1901 г. (из с. Кушка), 27.04.1902 г. (из Якутска) и 04.07.1902 г. (с борта парохода «Громов»).

Б. Лауфер Ф. Боасу, 10.07.1898 г. (из Александровска), 18.09.1898 г. (из Александровска) и 04.03.1899 г. (место не указано).

Все документы в электронном виде были любезно предоставлены отделом антропологии Американского музея естественной истории.

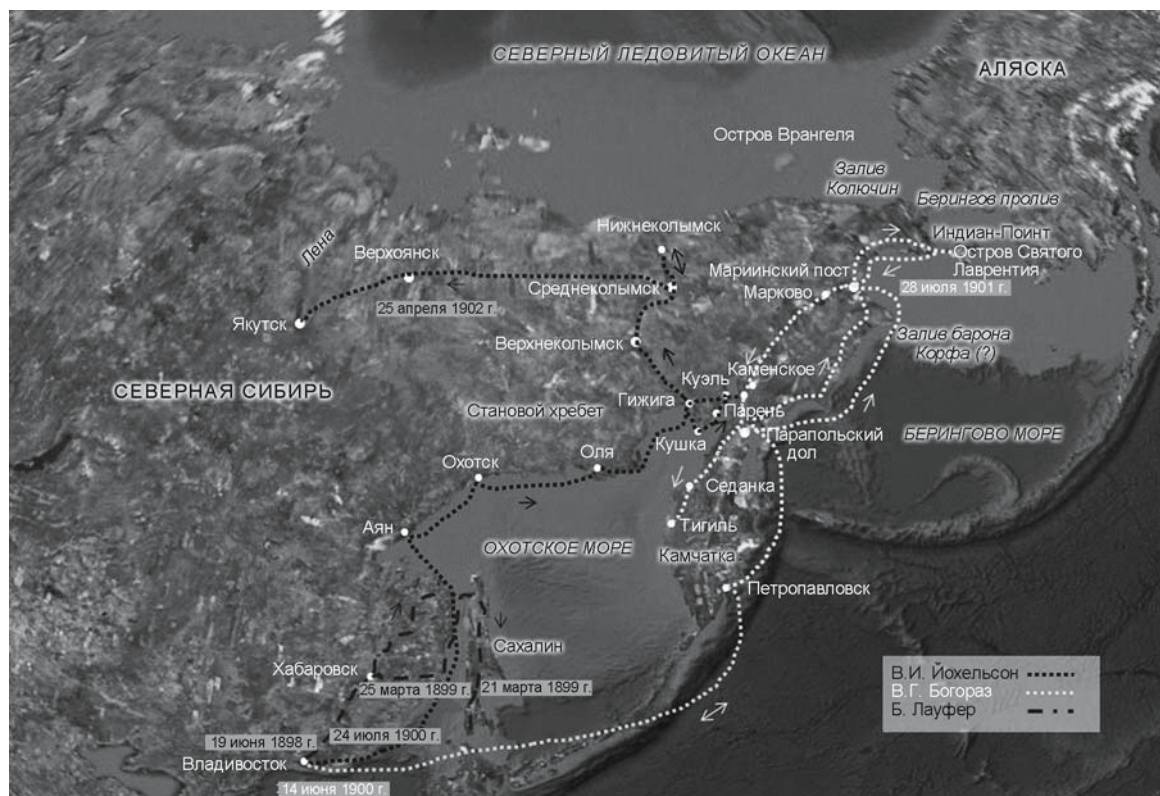

Рис. 1. Карта путешествий Б. Лауфера (1898–1899 гг.), В.Г. Богораза (1900–1901 гг.) и В.И. Йохельсона (1900–1902 гг.). Составлена на основе карты, опубликованной Ф. Боасом [Boas, 1903, p. 72], с учетом путевых заметок и карты путешествий 1902 г. (предоставлены отделом антропологии Американского музея естественной истории).

Таблица 1. Анализируемая выборка зооморфных изображений

Категория	Всего		Чукчи		Кереки		Коряки		Другие	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Украшения	867	85,8	205	82,7	106	82,8	509	99,4	33	26,8
Амулеты	88	8,7	30	12,1	0	0	2	0,4	56	45,6
Игрушки	50	4,9	12	4,8	21	16,4	1	0,2	18	14,6
Бытовые предметы	6	0,6	1	0,4	1	0,8	0	0	16	13,0
<i>Всего</i>	1 011	100	248	100	128	100	512	100	123	100

представлена природными объектами, форма которых так или иначе связана с зооморфными или териантропными образами – либо общим обликом, либо отдельными чертами. Определяющими факторами при изображении тела животного или какой-либо его части служили культурный контекст, степень стилизации, символическое значение и функция предмета. С учетом этих факторов можно отметить, что почти все предметы (96,6 %) являются изображениями конкретного зооморфного или териантропного персонажа с более или менее естественными пропорциями. Сильное искажение пропорций, в частности, несораз-

мерное увеличение тела по отношению к голове и конечностям, отмечено у нескольких фигурок-игрушек, которым придавали ту или иную форму прежде всего для удобства ребенка.

К отдельным частям тела, представленным в мелкой пластике, относится прежде всего голова. Конечности, как правило, детально проработаны или хотя бы намечены схематически (полностью отсутствуют в основном у изображений ластоногих, а также птиц). Меньше всего внимания уделялось моделировке копыт, лап или пальцев. Здесь главным требованием была устойчивость фигурки.

Скульптурки обычно делались из одного куска материала, но есть и исключения, например, керекские и корякские фигурки птиц с подвижными крыльями или на колесиках. Половой диморфизм наблюдается как в анатомических деталях (например, изображение пениса у самцов), так и в отражении поведения (например, забота о потомстве, конкуренция между самцами, охота). Однако установить пол по стилизованным изображениям подчас бывает затруднительно. Териантропные статуэтки всегда представляют существо с человеческой головой и телом животного, как правило, какого-либо морского млекопитающего (например, тюленя или моржа), птицы или четвероногого, вид которого не поддается точному определению. Можно предположить, что они отражают мифологические представления, о чем свидетельствует большее количество таких фигурок в группе амулетов.

Анализ исходного материала фигурок и их использования. По исходному материалу природные объекты (натурфакты) и артефакты можно разделить на две категории:

1) прочные (находившиеся в употреблении долгое время), сделанные из местных стойких материалов – моржового бивня, оленьего рога, кости (особенно из позвонков или лопаток кита) – или из привозного металла;

2) непрочные (находившиеся в употреблении недолгое время), которые подразделяются на три подгруппы: а) изделия из материалов животного происхождения, в частности сухожилий, клювов птиц, когтей различных хищников, перьев, кожи и меха; б) поделки из растений – дерева (в основном березы и корня кедровой сосны), сухой травы и других растительных волокон; в) предметы из привозных материалов, таких как волокно промышленного изготовления, веревки и ткани [Bogoras, 1907; Jochelson, 1908, 1926; Mitlyanskaya, 1996; Davidson, 1997; Soffer, 2000].

Прочные материалы обычно использовались для изготовления украшений и бытовых предметов, поэтому такие предметы имели практически полностью искусственное происхождение. Они могли дополнительно украшаться просверленными зубами животных, перьями, когтями, кусочками меха или растительных волокон. Скульптурные изображения данных категорий очень реалистичны; они тематически отражают повседневную жизнь людей, хотя не исключено и использование мифологических мотивов. Обычно такие фигурки передают тело (либо его части) зооморфного или териантропного персонажа с реалистической, хотя и упрощенной, детализацией либо стилизацией (последнее особенно относится к изображениям головы). В их украшении подчеркиваются анатомические детали. Кроме того, декор передает целый спектр различных символических значений (рис. 2). Отдельные фигурки могли намеренно груп-

пироваться в сложные композиции, изображающие бытовые сцены (уход за шерстью или перьями, отдых, бег, схватку собаки или медведя), определенные состояния животного (любопытство, настороженность, страх и т.п.), его питание (например, охоту или кормление на пастбище), а также отражающие репродуктивное поведение и заботу о потомстве (см. фигурку олененка, впервые вставшего на ноги, рис. 3).

Украшения, особенно женские, предназначались для того, чтобы приносить радость своим владельцам. В литературе неоднократно описано, как женщины время от времени вынимали фигурки из сумок и получали удовольствие от их простого разглядывания [Jochelson, 1908; Потапова, Левина, 1956; Mithen, 1991; Guthrie, 2005].

Статуэтки и натурфакты, использовавшиеся в качестве талисманов или амулетов, являлись воплощениями некоего духа, его нрава и поведенческих особенностей. Для выполнения своей роли посредника в коммуникации человека и духа каждый предмет должен был соответствовать всем ритуальным требованиям [Гурвич, 1962; Popular Beliefs..., 1968; Таксами, 1976; Вдовин, 1976; Pedersen, 2001]. К предположительно сакральным натурфактам относятся череп волка, голова вороны (рис. 4), мех бурой лисы и клювы тупиков у чукчей, нос волка у коряков и оленьи лопатки у обрусевших представителей коренных народов. Все эти небольшие фрагменты представляли собой символические «сокращения» целого животного с его особым нравом и поведенческими особенностями и предназначались для ритуальных действий.

Искусственно созданные талисманы (амулеты) очень грубо обрабатывались и обычно оставались незавершенными, возможно, для последующей обработки. Кроме того, считалось, что чем тщательнее проработаны детали на талисмане, тем труднее человеку сохранять контроль над ним. Согласно верованиям, подобные предметы могли оживлять населяющих их духов или привлекать нежелательное внимание мира злых сил, приносящих болезни и смерть. Если владелец амулета заботился об идолке, принося ему кровавые либо бескровные жертвы, то мог рассчитывать на помощь населяющего предмет духа. Несмотря на все человеческие старания, магическая сила талисманов (амулетов) постепенно ослабевала, и их время от времени заменяли новыми [Czaplicka, 1914; Потапова, Левина, 1956; Гурвич, 1962; Вдовин, 1976; Shamanism..., 1978].

Зооморфные или териантропные фигурки также могли использоваться в качестве игрушек. Игрушка для ребенка была лучшим другом, наставником и помощником. Но она могла превратиться в страшного врага, особенно когда в ней обитал демон, грозивший ребенку болезнью и смертью. Считалось, что жизнь каждой игрушки отображала судьбу своего владельца. Поэтому при изготовлении игрушек, также как амуле-

Рис. 2. Резная фигурка моржа из моржового клыка, приобретенная В.Г. Богоразом у кереков. Отдел антропологии Американского музея естественной истории, № 70/6265. Размеры: длина 5,4 см, ширина 2,5, высота 2,5 см.

Рис. 3. Резная фигурка олененка из рога, приобретенная В.Г. Богоразом у чукчей. Отдел антропологии Американского музея естественной истории, № 70/6862. Размеры: длина 3,3 см, ширина 1,8, высота 1 см.

тов, люди следовали определенным правилам, особенно строго регламентировавшим форму предмета [Jochelson, 1908; Popular Beliefs..., 1968; Арефьева, 2008].

Игрушечные фигурки, как правило, стилизованы, черты лица схематичны. Во многих случаях конечности полностью или частично отсутствуют. Игрушки обычно делались из нестойких растительных материалов, преимущественно из дерева, у кереков бытовали резные из кости. В игре вместо изображения животного могли фигурировать его кости, перья, кусочек меха или ветка. Кроме того, иногда к игрушкам приделывали сухожилия, с помощью которых ребенок мог связывать, тянуть или скреплять свои фигурки. По словам В. Богораз [Bogoras, 1907], дети не были ограничены в выборе игрушек и обращении с ними, в то время как использование амулетов имело ряд ритуальных ограничений. Часто дети сами делали себе игрушки и совершенствовались в игре навыки, необходимые для будущей жизни [Nelson, 1900; Bogoras, 1907; Jochelson, 1926; Потапова, Левина 1956].

Зооморфные образы в артефактах, натурфактах и мифологии

В некоторых случаях точное определение биологического вида чрезвычайно затруднительно из-за сильной стилизованности фигурок (рис. 5) [Blix, 2005; Banerjee et al., 2006]. Восприятие таких изображений зависит от хозяйственных, символических или мифологических воззрений той или иной этни-

Рис. 4. Шаманский амулет из головы ворона и волчьего черепа, приобретенный В.Г. Богоразом у чукчей. Отдел антропологии Американского музея естественной истории, № 70/6559AB. Размеры: длина 25 см, ширина 37,5 см.

Рис. 5. Деревянная фигурка утки (игрушка ?), приобретенная Б. Лауфером у нивхов. Отдел антропологии Американского музея естественной истории, № 70/1175. Размеры: длина 45,1 см, ширина 6,4, высота 10,5 см.

ческой группы [Nelson, 1900; Bogoras, 1907; Jochelson, 1908, 1926; Таксами, 1976; Вдовин, 1976; Krupnik, 1993; Ingold, 1994; Pedersen, 2001; Willerslev, 2004] и не обязательно соответствует зоологической классификации реальных животных [Mithen, 1991; Guthrie, 2005]. В некоторых случаях мы отдельно указывали зооморфные темы, не зафиксированные в каталогах Американского музея естественной истории, особенно когда большая и весьма разнородная по составу группа резных фигурок представлена под общим названием. Разные зооморфные образы были сгруппированы по категориям в целях лучшего понимания их смысла (табл. 2). Но иногда мы лишь могли констатировать, что фигурки изображают разнообразных четвероногих животных и, возможно, были вдохновлены мифологическими представлениями. Эта группа не учитывалась.

В коллекции прослеживается ряд закономерностей. Одна из них связана с географическим и экологическим распределением некоторых видов животных. Распространение фигурок белого и бурого медведей совпадает с ареалами данных видов (тундра и тайга соответственно). Отсутствие изображений лососевых у чукчей можно, по-видимому, объяснить тем, что на территории их расселения нет рек, пригодных для нереста. Другая тенденция связана с чрезмерным промыслом ластоногих и китообразных российскими, американскими и японскими китобойными компани-

ями. Это обстоятельство заставило коряков, чукчей и кереков использовать данных животных только в качестве дополнительного источника питания и перейти от морской охоты к рыболовству и оленеводству. В таком случае изображения ластоногих и китообразных, по всей видимости, свидетельствуют о сохранении их символического и ритуального значения.

На следующем этапе мы попытались проанализировать распределение зооморфных образов в статуэтках, а также в мифологических текстах, собранных В.Г. Богоразом [Bogoras, 1910] среди чукчей и В.И. Йохельсоном [Jochelson, 1908] среди коряков. Подсчет осложняется тем, что, согласно воззрениям аборигенов, животные принимают свойственный им облик лишь в присутствии людей, в отсутствии же человека они антропоморфны. Возможно, этим и объясняются сложные образы, сочетающие черты животного и человека. Такие изображения были объединены в группы животных-людей, имеющих как человеческие признаки, так и черты различных животных – оленей, зайцев, медведей, чаек. Аборигены полагали, что эти существа, подобно людям, живут со своими семьями на поселениях и занимаются охотой, рыболовством, играми и т.д. Дополнительная трудность связана с тотемическим характером некоторых этнонимов. Так, чукчи называли коряков-оленьеводов людьми-оленьями. В нашем анализе учитывались лишь персонажи с однозначно зооморфными чертами (рис. 6).

Таблица 2. Группы животных, представленных в зооморфных и териантропных изображениях

Группы животных	Всего		Чукчи		Кереки		Коряки		Другие	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Собаčky	240	25,4	74	31,4	33	26,4	118	23,7	15	17,4
Птицы	204	21,6	54	22,9	31	24,8	93	18,7	26	30,2
Ластоногие	182	19,3	27	11,4	27	21,6	123	24,7	5	5,8
Медвежьи	91	9,6	24	10,2	18	14,4	41	8,2	8	9,3
Оленевые	76	8,0	31	13,1	1	0,8	24	4,8	20	23,3
Полорогие	59	6,2	6	2,5	5	4	48	9,6	0	0
Рыбы	33	3,5	2	0,8	1	0,8	26	5,2	4	4,6
Куньи	17	1,8	7	3,0	4	3,2	6	1,2	0	0
Китообразные	11	1,2	2	0,8	1	0,8	8	1,6	0	0
Зайцевые	10	1,1	6	2,5	2	1,6	2	0,4	0	0
Грызуны	6	0,6	3	1,3	1	0,8	2	0,4	0	0
Земноводные, рептилии	5	0,5	0	0	0	0	0	0	5	5,8
Лошадиные	4	0,4	0	0	0	0	3	0,6	1	1,2
Насекомые	4	0,4	0	0	0	0	3	0,6	1	1,2
Кошачьи	3	0,3	0	0	1	0,8	1	0,2	1	1,2
Всего	945	100	236	100	125	100	498	100	86	100

Примечание: неопределимые изображения животных не учтены.

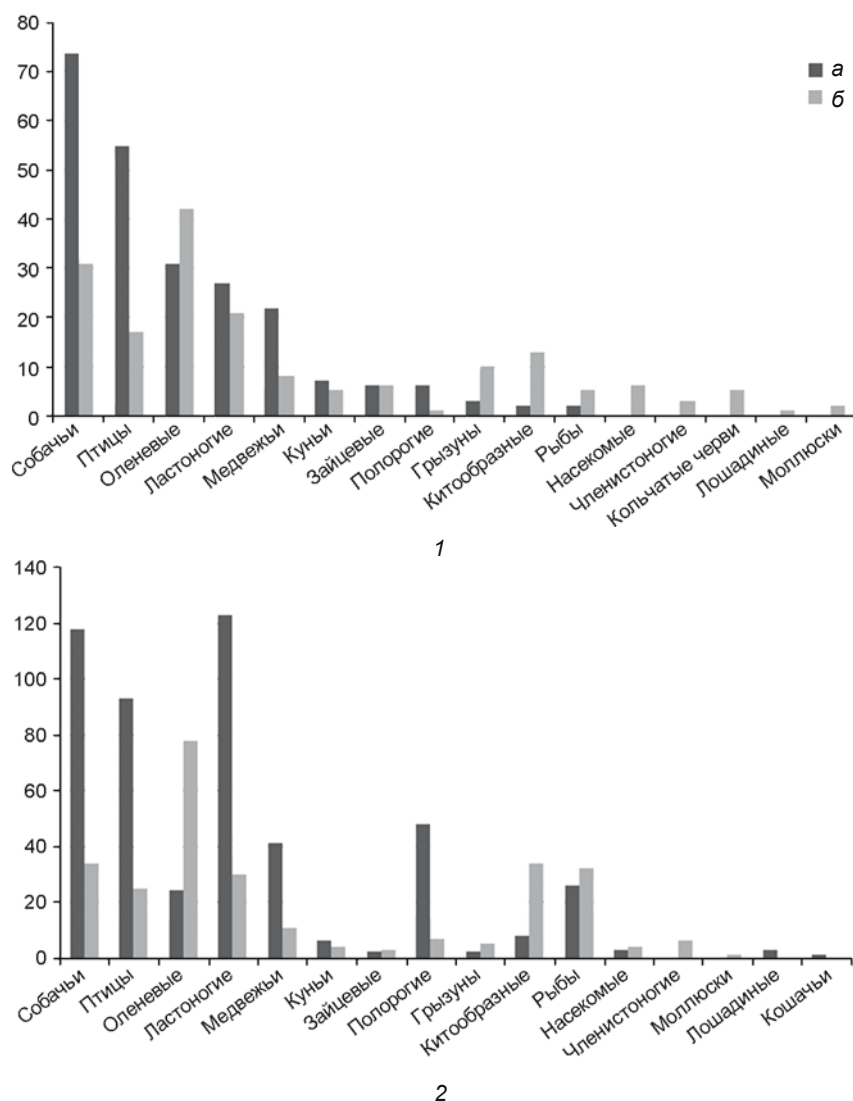

Рис. 6. Зооморфные образы в фигуративном искусстве и мифологии чукчей (1) и коряков (2).
а – фигуративное искусство; б – мифология.

Для лучшего понимания каждого образа и его мифологического значения рассматривались три основные функции зооморфных изображений.

Хозяйственное значение животных отражено в мифологических представлениях о китообразных (горбатых китах, белухах и касатках), полорогих (снежных баранах) и зайцевых (арктических беляках). Соответствующие взгляды известны и по отношению к рыбам, грызунам (бобрам), куньим (росомахам и горностаям), непарнокопытным (домашним лошадям) у чукчей, а также к ластоногим (сивучам, пестрым и кольчатым нерпам, морским зайцам и моржам) и морским моллюскам у коряков. Животные ассоциировались не только с питательной ценностью их мяса, костного мозга или жира, но и с костями, сухожилиями, шкурой и внутренними органами (особенно желудками) – они использовались

при постройке жилищ, изготовлении одежды, обуви и мешков для хранения припасов, сооружении ловушек. Грызуны и куньи имели особое значение для чукчей: мех этих животных был метафорически связан с идеей богатства. В чукотских и корякских мифах киты, тюлени и моржи фигурируют в качестве упряжных животных морских духов.

Хозяйственно-символическая роль животных подчеркивается в обеих мифологических системах – чукотской и корякской. У чукчей такую роль играли представители семейств оленевых (дикий и одомашненный северные олени), собачьих (волк, полярная и обыкновенная лисица, собака) и медвежьих (полярный и бурый медведи), а также ластоногих (сивучь, пестрая и кольчатая нерпы, морской заяц и морж); у коряков – рыбы (лосось, камбала, форель, голянь, лучеперые) и грызуны, в частности, мыши. Олени, со-

баки и медведи представляли собой важный источник мяса, костного мозга, жира; их мех, сухожилия, кости и рога использовались при сооружении жилищ и для изготовления одежды, обуви, личных вещей, различных инструментов и оружия.

Повадки или облик животного могли осмысливаться метафорически, например, «нюхать землю подобно оленю», «повиноваться приказу как собака», «иметь зубастую морду как у волка». Олени и собаки также использовались в качестве тягловой силы (в мифах подобная роль приписывается даже мышам); их специально обучали для участия в охоте или гонках. Этих животных приносили в жертву при совершении различных обрядов. Звуки, издаваемые моржами, оленями и собаками, имели особое ритуальное значение – оберегали от злых духов. Части тел оленей, собак и медведей использовались в лечении этих животных, а их экскременты могли применяться для изготовления фигурок, предназначенных для гаданий и для определения местонахождения соответствующего животного с помощью особого заклинания.

Сверхъестественные животные представлены персонажами с металлическими/серебряными телами, оленями/рыбами/мышами в языках пламени, двухголовыми оленями, мифологическим волком или же злым и прожорливым существом – потомком оленя, но одновременно и пожирателем оленей. Наконец, в мифах встречаются упоминания о превращении человека в волка либо белого медведя, а также о способности оленя или медведя принимать облик собаки.

Чисто символическая роль характерна для птиц (воронов, орлов, тупиков, белых сов, куропаток, чаек, бакланов, поганок, шилохвостей), которые фигурируют в качестве мифологических существ («белая сова из металла», «гигантская птица» или «громовая птица» у чукчей) или героев (Большой Ворон у коряков). Эта роль проявляется и в превращении человека или отдельных частей человеческого тела в птицу. Как в чукотской, так и в корякской мифологии символическая роль приписывается паукам (они помогают попавшим в беду героям мудрыми советами), насекомым (муравьям, шмелям) и кольчатым червям. Коряки придавали особое значение кунным (росомахам и горностаям), а чукчи – мамонтам, которые фигурируют в мифах в качестве могущественных духов, тело которых состоит из гигантских древних костей.

Обсуждение результатов: палеоэтнологический подход

В обычном для нас западном понимании животные – неотъемлемая часть природы. Человек же с его «биологическим» телом и сформированным культурой умом воспринимается как некое исключительное су-

щество, противопоставленное природе и способное победить любого ее представителя. Такое понимание его роли не характерно для кочевых групп охотников-собирателей Сибири, где взаимоотношения человека и животного не считаются случайными. Они формируются в результате множества сложных ритуальных действий и их символического осмысления. Все это происходит в особом мире, где люди-животные столь же реальны, как и прочие люди [Потапова, Левина, 1956; Bird-David, 1990; Ingold, 1994; Willerslev, 2004; Nadasdy, 2007]. Таким образом, различия в понимании взаимоотношений между человеком и животными на Западе и в Сибири дают возможность заглянуть в альтернативную реальность, которую следует учитывать в интерпретации археологических данных.

Мы должны четко осознавать, что существующие палеоэтнологические реконструкции не могут быть безоговорочно перенесены на отношения человека и животных в палеолитическую эпоху. Мы не знаем, как менялись эти представления за последние 30 тысячелетий. Экологические изменения сопровождались исчезновением некоторых типичных видов животных ледникового периода и возникновением новых, одомашненных.

Изменения коснулись не только применения, но и символического значения сырья – бивня мамонта, керамики, поделочного камня. Хотя бивни еще недавно использовались в мелкой пластике, восприятие мамонтов жителями Сибири недавнего времени было совершенно иным, чем у верхнепалеолитических охотников и художников [Герасимов, 1931; Иванов, 1949; Gamble, 1982; Delporte, 1990; Mithen 1991; Der Löwenmensch..., 1994; Abramova, 1995; Gvozdover, 1995; Svoboda, 1997; Hunters..., 2000; Djindjian, 2004; Guthrie, 2005; Owen, 2005; Borić, 2007]. Обожженная глина, мягкие породы камня и другие типичные материалы верхнего палеолита позволяли создавать фигурки и использовать их в различных практических и символических действиях [Vandiver et al., 1989; Davidson, 1997; Soffer, 2000; Verpoorte, 2001; Svoboda, 2011], однако керамические зооморфные изображения не распространены в районах проживания рассматриваемых этнических групп. Нам встретилось несколько описаний необожженных глиняных статуэток, но этнологи не зафиксировали их функции. Видимо, такие предметы не сохранялись во влажной тундровой почве. Мягкие породы камня (например, тальк) в последнее время стали применяться в мелкой пластике, однако это обусловлено дефицитом других традиционных сибирских материалов, таких как моржовый клык [Nelson, 1900; Jochelson, 1908; Потапова, Левина, 1956; Krupnik, 1993; Mitlyanskaya, 1996]. Кроме того, имеются явные различия в художественном стиле и окончательной обработке зооморфных фигурок верхнего палеолита. При обращении к этнологическим

параллелям такие различия можно отчасти объяснить практическим назначением статуэток.

В целом зооморфные фигурки, отображающие реальное использование животных людьми, отличаются гораздо большей реалистичностью и детализацией. Они представляют собой украшения или предметы быта и обычно изготавливались из стойких материалов, таких как моржовый клык, кость или рог. Амулеты и игрушки, сделанные из дерева или рога, зачастую выполнены грубо и схематично – возможно, чтобы не привлекать злых духов.

Следует, наконец, отметить, что в зооморфной и териантропной пластике верхнего палеолита наблюдается преобладание фрагментов над целыми фигурками. Фрагментарность может быть обусловлена какими-то тафономическими процессами. Некоторые авторы [Klíma, 1979; Králík, 2011] предполагают, что фрагменты были частью более крупных объектов, вероятно сделанных из нестойкого органического материала. Еще одно возможное объяснение: фрагменты являются законченными изделиями, символически репрезентирующими прототип в «редуцированном» виде. Нельзя также исключить намеренного уничтожения скульптур посредством термического воздействия или целенаправленно нанесенных ударов, приводящих к повреждениям или к разрушению фигурок, после того, как они выполнили свою функцию. Подобные действия были зафиксированы, например, в Долни-Вестонице I, Павлове I, Зарайске и Костенках I [Absolon, 1938, 1945; Ефименко, 1958; Klíma, 1979, 1989; Delporte, 1990; Abramova, 1995; Soffer, 2000; Hunters..., 2000; Verpoorte, 2001; Dupuy, 2007; Амирханов и др., 2009; Svoboda, 2011]. При использовании сибирских этнологических параллелей следует учитывать возможные причины таких действий. Люди могли считать, что «срок годности» фигурок истек и они больше не понадобятся, более того, эти фигурки могут привлечь злых духов или же недругов, которые могли нанести вред с помощью ритуального воздействия [Bogoras, 1907; Jochelson, 1908; Czaplicka, 1914; Гурвич, 1962; Popular Beliefs..., 1968; Таксами, 1976; Вдовин, 1976; Shamanism..., 1978; Pedersen, 2001]. Поэтому люди сознательно уничтожали предметы, использовавшиеся для совершения обрядов, например, бросая их в огонь. В связи с этим следует отметить некоторые параллели с повреждением граветтских зооморфных фигурок, имевшим, судя по всему, сознательный, а не случайный характер.

Заключение

В данной работе представлены особенности использования зооморфной тематики в мелкой пластике, натурфактах и мифологических материалах, собранных

в ходе Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции. Анализ коллекции показывает зависимость между исходным сырьем, художественным стилем, окончательной обработкой изделия и его использованием. Некоторые вопросы пока остаются без ответа из-за недостаточно полных описаний предметов и ограниченности этнологических данных. Последнее может объясняться узкими научными интересами того или иного этнолога или тем, что исследователя не допускали к обрядовым действиям. Неполнота нашей информации может быть связана с отсутствием конкретных археологических данных для близких к современности культур или их недостаточной изученностью. Несмотря на эти и другие проблемы, палеоэтнологический подход расширяет наши представления об уникальных особенностях сообществ далекого и недавнего прошлого. Он помогает понять, насколько динамичный и сложный контекст окружает каждый зооморфный образ в любой культуре.

Оценка социальной значимости данных образов чрезвычайно затруднена. Как мы видели, символические смыслы, связанные с зооморфной тематикой, не только отражают современную ситуацию, но и являются важнейшей неотъемлемой чертой культурной памяти, проявляющей тенденцию к фиксации зооморфных образов, постепенно исчезающих из духовной культуры коллективов охотников-собираателей (ср.: [Connerton, 1989; Assmann, 2008; Porr, 2010]).

Благодарности

Выражаю признательность Л. Кендалл, Н. Грегоров и Б. Ландуа (отдел антропологии Американского музея естественной истории, г. Нью-Йорк, США) за доступ к базам данных и архивам Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции и за разрешение воспроизвести изображения нескольких объектов из этой коллекции. Я также благодарна И. Свободе (кафедра антропологии факультета естественных наук Университета им. Т. Масарика и Институт археологии Академии наук Чешской Республики, г. Брно) за руководство и замечания, доктору И. Мликовски (зоологический отдел Национального музея, г. Прага, Чехия) за консультацию по фигуркам птиц.

Список литературы

- Амирханов Х.А., Ахметгалеева Н.Б., Бужилова А.П., Бурова Н.Д., Лев С.Ю., Машенко Е.Н. Исследования палеолита в Зарайске, 1999–2005. – М.: Палеограф, 2009. – 466 с.
- Арефьева А.А. Нгухуко и Акань // История Ямала: взгляд из музейных хранилищ. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2008. – Вып. 1. – С. 51–57.
- Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных

представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 217–253.

Герасимов М.М. Мальта: Палеолитическая стоянка: Результат работ 1928–1929 гг. – Иркутск: Иркут. краевой музей, 1931. – 34 с.

Гурвич И.С. Корякские промысловые праздники // Сибирский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Вып. 4. – С. 238–257.

Ефименко П.П. Костенки I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 450, [2] с.

Иванов С.Б. Мамонт в искусстве народов Сибири // Сб. МАЭ. – 1949. – Вып. 11. – С. 132–154.

Потапова М.Г., Левина А.П. Народы Сибири. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 1114 с.

Таксами Ч.М. Представления о природе и человеке у нивхов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 203–216.

Abramova Z.A. L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibirie. – Grenoble: Jérôme Millon, 1995. – 367 p.: ill., maps.

Absolon K. Výzkum diluviální stanice lovců mamutů v Dolních Věstonicích na Pavlovských kopcích na Moravě: (Pracovní zpráva za první rok 1924). – Brno: Barvič a Novotný, 1938. – 46 str.; 7 tab.

Absolon K. Výzkum diluviální stanice lovců mamutů v Dolních Věstonicích na Pavlovských kopcích na Moravě: (Pracovní zpráva za třetí rok 1926). – Brno: Moravské knihtiskárny polygrafie, 1945. – 241 str.; 18 tab.

Assmann A. Transformations between history and memory // Social Research. – 2008. – Vol. 75. N 1. – P. 49–72.

Banerjee S., Kazlowski S., Rose H., Hoshino M., Morris A. Arctic wings: Birds of the arctic national wildlife refuge. – Seattle: Mountaineers books, 2006. – 192 p.

Binford R.A. Archaeology as anthropology // American Antiquity. – 1962. – Vol. 28. – P. 217–225.

Bird-David N. The giving environment: Another perspective on the economic system of gatherer-hunters // Current Anthropology. – 1990. – Vol. 31. – P. 189–196.

Blix A.S. Arctic animals and their adaptations to life on the edge. – Trondheim: Tapir Academic Press, 2005. – 296 p.

Boas F. Jesup North Pacific Expedition // The American Museum J. – 1903. – Vol. 5. – P. 69–117.

Bogoras W. The Chukchee. – Leiden; N.Y.: E.J. Brill Ltd, 1907. – 260 p. – (The Jesup North Pacific Expedition Publications; vol. 7, pt. 2). – (Memoir of the American Museum of Natural History; vol. 11).

Bogoras W. Chukchee mythology. – Leiden, N.Y.: E.J. Brill Ltd, 1910. – 197 p. – (The Jesup North Pacific Expedition Publications; vol. 8, pt. 1). – (Memoir of the American Museum of Natural History; vol. 12).

Borić D. Images of animality: Hybrid bodies and mimesis in early Prehistoric art // Image and imagination / eds. C. Renfrew, I. Morley. – Oxford: Oxbow Books, 2007. – P. 83–99.

Connerton P. How societies remember. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 121 p.

Czaplicka M.A. Aboriginal Siberia: A study in social anthropology. – Oxford: Clarendon Press, 1914. – 436 p.

David N., Kramer C. Ethnoarchaeology in action. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – XXVII, 476 p.

Davidson I. Power of pictures // Beyond art: Pleistocene image and symbol / eds. M.W. Conkey, O. Soffer, D. Stratman,

N. Jablonski. – Berkeley: University of California Press, 1997. – P. 125–159.

Delporte H. L'image des animaux dans l'art préhistorique. – P.: Picard, 1990. – 254 p.

Der Löwenmensch: Tier und Mensch in der Kunst der Eiszeit / Hrsg. K. Wehrenberger, B. Reinhardt. – Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1994. – 141 S.

Djindjian F. L'art paléolithique dans son système culturel. II: De la variabilité des bestiaires représentés dans l'art pariétal et mobilier paléolithique // La spiritualité: Actes du Colloque international de Liège (10–12 décembre 2003) / ed. by M. Otte. – Liège: Université de Liège, 2004. – P. 127–152. – (ERAUL; N 106).

Dupuy D. Fragments d'images, images de fragments: La statuaire gravettienne, du geste au symbole: thèse de doctorat Nouveau Régime / Université de Provence, Aix-Marseille I. – Marseille, 2007. – 321 p.

Gamble C.S. Interaction and alliance in Palaeolithic society // Man. N. S. – 1982. – Vol. 17. – P. 92–107.

Guthrie R.D. The nature of Paleolithic art. – Chicago; L.: University of Chicago Press, 2005. – 520 p.

Gvozdozer M. Art of the Mammoth hunters: The finds from Avdeev. – Oxford: Oxbow Books, 1995. – 186 p. – (Oxbow monographs; N 49).

Hahn J. Kraft und Aggression: die Botschaft der Eiszeitkunst im Aurignacien Süddeutschlands? – Tübingen: Institut für Urgeschichte der Universität Tübingen, 1986. – 254 S. – (Archaeologica Venatoria; Bd. 7).

Hunters of the golden age / eds. W. Roebroeks, M. Mussi, J. Svoboda, K. Fennema. – Leiden: University of Leiden, 2000. – 420 p.

Ingold T. From trust to domination: An alternative history of human-animal relations // Animals and human society / ed. by S. Manning. – L.: Routledge, 1994. – P. 1–22.

Jochelson W. The Koryaks. – Leiden; N.Y.: E.J. Brill Ltd, 1908. – 460 p. – (The Jesup North Pacific Expedition Publications; vol. 6, pt. 2). – (Memoir of the American Museum of Natural History; vol. 10).

Jochelson W. The Yukaghir and Yukaghirized Tungus. – Leiden; N.Y.: E.J. Brill Ltd, 1926. – 127 p. – (The Jesup North Pacific Expedition Publications; vol. 9). – (Memoir of the American Museum of Natural History; vol. 13).

Klíma B. Les représentations animales du Paléolithique supérieur de Dolní Věstonice: 3e Colloque de la Société Suisse des Sciences Humaines. – Fribourg, 1979. – P. 323–332.

Klíma B. Figürlichen Plastiken aus der paläolithischen Siedlung von Pavlov (ČSSR) // Religion und Kult. – 1989. – Bd. 6. – S. 81–90.

Králík M. Ancient ceramics and imprints on their surfaces // Pavlov – Excavations 2007–2011 / ed by J. Svoboda. – Brno: Institute of Archaeology at Brno, Academy of Sciences of the Czech Republic, 2011. – P. 207–244. – (Dolní Věstonice studies; N 18).

Krupnik I. Arctic adaptations: Native whalers and reindeer herders of Northern Eurasia. – Hanover; L.: University Press of New England, 1993. – 355 p.

Laufer B. Preliminary notes on explorations among Amoor tribes // American Anthropologist. – 1900. – Vol. 2, N 2. – P. 297–338.

Lewis-Williams D.J. The mind in the cave: Consciousness and the origins of art. – N.Y.: Thames & Hudson, 2002. – 320 p.

- Lewis-Williams D.J., Dowson T.R.** The signs of all times: Entoptic phenomena in Upper Paleolithic art // *Current Anthropology*. – 1988. – Vol. 29, N 2. – P. 201–245.
- Marshack A.** The roots of civilization: the cognitive beginnings of man's first art, symbol and notation. – N.Y.: Moyer Bell Ltd; Mount Kisco, 1991. – 445 p.
- Mithen S.** Ecological interpretations of Paleolithic art // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 1991. – Vol. 57, N 1. – P. 103–114.
- Mitlyanskaya T.** Native carvers and outsider artists: Patterns of interaction in Siberia Eskimo/Chukchi ivory carving // *Arctic Anthropology*. – 1996. – Vol. 33, N 1. – P. 67–88.
- Mortillet G., de.** Le Préhistorique: antiquité de l'homme. – P.: C. Reinwald, 1883. – 642 p. – (Bibliothèque des Sciences contemporaines).
- Nadasdy P.** The gift in the animal: The ontology of hunting and human-animal society // *American Ethnologist*. – 2007. – Vol. 34. – P. 25–43.
- Nelson E.W.** The Eskimo about Bering Strait. – Washington: Government Printing Office, 1900. – 518 p. – (Annual Report of the Bureau of American Ethnology; vol. 18).
- Owen L.** Distorting the past: Gender and the division of labor in European Upper Palaeolithic. – Tübingen: Kerns Verlag, 2005. – 240 p.
- Pedersen M.A.** Totemism, animism and North Asian indigenous ontologies // *J. of the Royal Anthropological Institute*. – 2001. – Vol. 7, N 3. – P. 411–427.
- Popular Beliefs and Folklore Tradition in Siberia** / ed. by V. Dioszégi. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. – 500 s.
- Porr M.** Paleolithic art as cultural memory: A case study of the Aurignacian art of Southwestern Germany // *Cambridge Archaeological J.* – 2010. – Vol. 20, N 1. – P. 87–108.
- Sauvet G., Włodarczyk A.** Towards a formal grammar of the European Paleolithic cave art // *Rock Art Research*. – 2008. – Vol. 25. – P. 165–172.
- Sázelová S.** Symbolismus u mobilních společností Sibíře: Lidé a zvířata v etnologické analogii a archeologickém kontextu: disertační / Masarykova univerzita. – Brno, 2012. – 205 s.
- Shamanism in Siberia** / eds. V. Dioszégi, M. Hoppál. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1978. – 532 s.
- Soffer O.** Gravettian technologies in social context // *Hunters of the golden age* / eds. W. Roebroeks, M. Mussi, J. Svoboda, K. Fennema. – Leiden: University of Leiden, 2000. – P. 59–75.
- Stiles D.** Ethnoarchaeology: A discussion of methods and applications // *Man*. N. S. – 1977. – Vol. 12. – P. 87–103.
- Svoboda J.** Symbolisme Gravettien en Moravie: Espace, temps et formes // *Bull. de la Société Préhistoire de L'Ariège*. – 1997. – Vol. 52. – P. 87–103.
- Svoboda J.** Počátky umění. – Praha: Academia, 2011. – 336 s.
- Svoboda J., Sázelová S., Kosintsev P., Jankovská V., Holub M.** Resources and spatial analysis at actual Nenets camp sites: Ethnoarchaeological implications // *J. of Anthropological Archaeology*. – 2011. – Vol. 30. – P. 30–43.
- Vandiver P., Soffer O., Klíma B., Svoboda J.** The origins of ceramic technology at Dolní Věstonice, Czechoslovakia // *Science*. – 1989. – Vol. 246. – P. 1002–1008.
- Verpoorte A.** Places of art, traces of fire: A contextual approach to anthropomorphic figurines in the Pavlovian (Central Europe, 29–24 kyr BP). – Leiden; Brno: University of Leiden, Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Czech Republic, 2001. – 144 p.
- Willerslev R.** Not animal, not not-animal: Hunting, imitation and empathetic knowledge among the Siberian Yukaghirs // *J. of the Royal Anthropological Institute*. – 2004. – Vol. 10. – P. 629–652.

*Материал поступил в редколлегию 01.02.13 г.,
в окончательном варианте – 17.08.14 г.*